

Жуньшэн вечно твердил, что в сливочном мороженом нет ничего особенного. Но это он просто с жиру бесился — в его зажиточной семье подобные лакомства давно не считались редкостью. Кафе-мороженое на набережной, открывшееся самым первым в городе, с первого же дня работы не знало недостатка в посетителях. В те годы большинство спасалось от летней жары простеньким фруктовым льдом по пятаку за палочку, а если уж хотелось шикануть — покупали сливочное эскимо за двенадцать фэней. На их фоне фирменные десерты, фруктовый лед в креманках и пломбир в брикетах, которые подавали в прохладном зале у реки, казались настоящим пиршеством.

Желая загладить вину или просто выказать дружелюбие, Жуньшэн тогда расщедрился и угостил всю компанию дорогим мороженым. Вкусное угощение мигом подняло всем настроение, да и лед между мальчишками и девчонками заметно подтаял.

Юйцин наконец-то исполнил свою мечту — заговорил с Хуан Иной и близко познакомился с ее подружками. В школе даже самые бойкие и общительные ребята робели в присутствии противоположного пола, но здесь, во внеучебное время, все условности мигом забылись.

Эрпан, почуяв благодарных зрительниц, так и прыгал от восторга. Он принялся показывать девчонкам фокусы с картонными стаканчиками из-под мороженого и стеклянными шариками. Фокусы были глупыми, а движения толстяка — неуклюжими. Юйцин с ребятами видели эти трюки сотни раз и давно потеряли к ним всякий интерес, но девчонки искренне ахали и изумлялись. Осыпаемый похвалами Эрпан так и сиял, глуповато ухмыляясь до ушей.

Жуньшэн по большей части помалкивал, но, на удивление, не капризничал и не портил атмосферу. Видимо, осознав, что сглупил в прошлый раз, он изо всех сил старался выказать вежливость именно Хуан Ине. Глядя на это, Юйцин втайне перевел дух.

После тех посиделок у реки ребята встретились еще раз, когда объявили результаты экзаменов. Снова собрались шумной гурьбой, и лица у всех сияли от беззаботного счастья.

А когда мальчишки оставались чисто мужской компанией, их разговоры неизбежно сворачивали с абстрактных тем на девчонок.

Вкусы у всех, конечно, разнились. Эрпан сначала сох по Хуан Ине, но вскоре переключился на ее подругу, Тан Ли. Та оказалась невероятно компанейской девчонкой, знала кучу анекдотов и умела рассмешить любого до колик. Маганьэр, правда, выбор приятеля не одобрил — ворчал, что у Тан Ли нос картошкой и все лицо в веснушках, чистая дурнушка. Да и к Хуан Ине он относился со скепсисом: слишком, мол, заносчивая, смотрит на всех как на пустое место. Тихоню Линь Цяожоу в очках он и вовсе считал занудой и тормозом. А вот Цзинь Юйтин парням нравилась: пусть и уступала Ине в красоте, зато отличалась кротким нравом и никогда ни в чем ребятам не отказывала.

Юйцину Цзинь Юйтин не особо нравилась. Как-то раз она заговорщически нашептала ему гадостей про Ину, и от этого липкого шушуканья на душе у него остался неприятный осадок. А вот остальные девчонки были замечательными. Линь Цяожоу хоть и стеснялась, но всегда

проявляла чуткость, а Тан Ли оказалась настоящим ураганом веселья. Ну а самой чудесной, конечно же, оставалась Хуан Ина — там, где она появлялась, словно распускался яркий подсолнух.

Лишь один Жуньшэн упорно не проявлял к прекрасному полу ни малейшего интереса, хотя девчонки так и вились вокруг него, стараясь завязать разговор.

Эрпан, где-то подхватив взрослое выражение, картинно вздохнул и изрек с важным видом:

— Эх, у кого-то густо, а у кого-то пусто. Кому сушь да гладь, а кого затапливает.

— Это ты к чему? — любопытствовал Юйцин.

Толстяк многозначительно похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе! Тан Ли по секрету нашептала, что девчонки только нашего Эрмяо и обсуждают. Говорит, из него выйдет первоклассный альфонс.

Что значит «альфонс», Юйцин прекрасно понимал. Он слегка нахмурился:

— Ну, Эрмяо действительно очень светленький...

— Похоже, все четыре по нему сохнут, — уныло протянул Маганьэр. — Эх, пропадает добро зря.

— Сколько раз повторять: не называйте меня Эрмяо, — холодно отрезал Жуньшэн. — И вообще, какое мне дело до того, кто там по кому сохнет?

— Тебе-то без разницы, а вот нашему Доудоу — нет, — рассудительно заметил Эрпан. — Колись, Доудоу, тебе ведь нравится Хуан Ина? Я видел, как ты в лавке заколки разглядывал. Решил подарок сделать? У нее ведь скоро день рождения, верно?

Лицо Юйцина мгновенно вспыхнуло:

— Хватит чепуху молоть! Это я сестре купил...

Жуньшэн, до этого лениво подпиравший ствол дерева, резко выпрямился:

— Ты купил подарок Хуан Ине?

Юйцин растерялся — с чего бы вдруг у друга так напряглись губы?

— Нет еще, — честно признался он.

— Значит, собираешься? — Маганьэр придвинулся ближе, в его голосе сквозила зависть. — Решил по-взрослому замутить?

Краска залила шею Юйцина до самых ушей.

— Да говорю же вам, ничего такого! Не болтайте ерунды. Не хватало еще слухов наделать, девчонку опозорить. Я даже не знаю, когда у нее день рождения. Заколку я сестре взял, у нее праздник на носу.

При упоминании Юйфэнь толстяк как-то сразу притих и замялся:

— А когда твоя сестра возвращается? Каникулы ведь уже начались.

— В университетах каникулы по-другому устроены, не как у нас, — покачал головой Юйцин.

Эрпан придвинулся поближе, заискивающе ухмыляясь:

— Слушай, а у нее... парень-то есть?

— Даже не думай разевать рот на мою сестру! — тут же отрезал Юйцин.

— Да боже упаси, я просто так спросил! — замахал руками толстяк. — Твоя сестра — настоящая тигрица, а у меня дома своих хищников хватает...

Он не успел договорить — Юйцин в шутку замахнулся на него кулаком.

— Вообще-то Хуан Ине до твоей сестры как до луны пешком, — мечтательно вздохнул Маганьэр.

Мальчишки притихли. Каждый думал о своем под мерный шелест летнего ветра, запутавшегося в пышной кроне старой сирени.

Вдруг Эрпан, у которого в голове вечно роились самые несусветные мысли, протянул:

— Но красивее всех все равно мама Жуньшэна. Она как будто вообще не стареет. Моя мать вечно твердит, что тетушка Чжоу тоже красавица, да только никогда за собой не следит.

— У мамы работы невпроворот, — негромко, с легкой грустью отозвался Юйцин.

Жуньшэн молча опустил на траву рядом с ним, бесцеремонно забрал из его пальцев авторучку и принялся черкать в тетради с домашним заданием.

Толстяк замялся, подбирая слова, а потом негромко обратился к Жуньшэну:

— Слушай... тут такое дело. Отец говорит, наверху опять эту кампанию затевают, «Суровый удар».

— Выкладывай, что хотел, нечего вокруг да около ходить, — холодно отозвался тот, даже не подняв головы.

— Ну... — Эрпан огляделся по сторонам. — В общем, у нас тут одного мужика замели. За аморалку, за измену. Твои родители... они все-таки разводятся или как?

В последнее время Гао Цзяньпин повадился ходить к ним домой чуть ли не каждый день. Соседи во дворе помалкивали, но шушукались за спиной вовсю.

— Какая разница, — равнодушно бросил Жуньшэн. — Пусть хоть поубивают друг друга. Мать укатила в командировку, черт знает когда вернется.

На этом расспросы прекратились. Толстяк лишь тяжело, по-взрослому вздохнул и уставился в небо.

Летние каникулы тянулись своим чередом, ничем не отличаясь от прежних лет. В середине июля Чжоу Хуэй отправила Юйцина погостить к своей старшей сестре. Впрочем, отдых был лишь предлогом — главным делом оставался обмен дефицитом. В провинции не сыскать было городских товаров, а в городе — деревенских гостинцев. Так Юйцин и курсировал туда-сюда, нагруженный тюками: вез тетке скопленные матерью талоны на мыло и прочие мелочи, а возвращался с мешками картофельной лапши, сушеными древесными грибами и банками багрового варенья из дикой черной смородины. Эту ягоду они с двоюродной сестрой собирали в тайге несколько дней кряду, исхлестав все ноги о заросли кустарников. Как только со всеми заготовками было покончено, пришла пора возвращаться домой.

Те лакомства, которые много лет спустя будут пыляться на полках любого супермаркета, в ту пору казались сокровищем. Густое черносмородиновое варенье пахло лесной прохладой; упругие спелые ягоды лопались на зубах, оставляя на языке долгий терпкий привкус. Стоило намазать ложечку на пресную паровую булочку или ломоть домашней лепешки — и никакого другого угощения к обеду уже не требовалось.

Конечно, привезти-то он привез несколько десятков банок, да только не для себя одного. Мать сразу распределила запасы: эту баночку — тем соседям, ту — дальним родственникам.

Обычное дело, соседский этикет. Отложив долю для верных друзей, Юйцин в этот раз утаил еще одну заветную баночку.

Мать Хуан Ины работала продавщицей в отделе тканей центрального универмага, и дочка на каникулах частенько носила ей туда обеды. Юйцин давно решил, что, как только вернется из деревни, обязательно подкараулит ее и вручит подарок.

Достав из бабушкиного сундука чистый лоскут яркого ситца в цветочек, он бережно завернул баночку, завязав узелок точнехонько посередине. Сначала он хотел вложить внутрь записку с пожеланиями, но, смутившись собственного порыва, в последний момент вытащил клочок бумаги и спрятал в карман.

Юйцин как раз возился с узлом на ткани, когда в дверь нетерпеливо постучали. Он бросился открывать. На пороге стоял Жуньшэн, небрежно вращая на пальце связку ключей.

— Погнали к реке на великах?

— А как же фортепиано? — удивился Юйцин. — Тебе разве не нужно заниматься?

Жуньшэн недовольно надулся:

— Конкурс закончился еще на прошлой неделе, я же говорил тебе. А ты даже не пришел поддержать.

— Прости, я же у тети гостил, — виновато улыбнулся Юйцин. — Я помню про конкурс, но ты ведь обычно и после него занимаешься по выходным.

Взгляд Жуньшэна на мгновение потух:

— Мать хочет сменить преподавателя. Пока каникулы, ходить не буду.

— Но почему? Старый учитель ведь был замечательным!

— Откуда я знаю, — раздраженно цыкнул Жуньшэн. — Мать так решила, со мной никто не советуется. Так мы едем или нет?

— Едем, конечно. Только мне нужно сначала кое-что отнести, — Юйцин внезапно покраснел и зашептал: — Только чур, Эрпану и остальным ни слова. Заходи пока.

Жуньшэн мгновенно подобрался, в его глазах вспыхнуло подозрение:

— Что отнести? Это для Хуан Ины?

Юйцин опешил — как он так легко догадался?

— Откуда ты...

Жуньшэн промолчал. Сбросив кеды в прихожей, он по-хозяйски прошел в комнату друга и сразу наткнулся взглядом на сверток, сиротливо лежавший на письменном столе. Он бесцеремонно взял банку в руки, взвесил на ладони:

— И это все? Оно хоть вкусное?

Лицо Жуньшэна казалось маской безразличия, но Юйцин слишком хорошо знал друга, чтобы обмануться. У Жуньшэна были удивительные глаза — лукавые, с вечной затаенной смешинкой, а тонкие губы, унаследованные от матери, Сюй Цзинцзин, всегда кривились в капризной полуулыбке. Понять, что творится у него на душе, постороннему человеку было не под силу. Но за долгие годы дружбы Юйцин научился читать эти мимолетные тени.

Он знал, что Жуньшэн на дух не переносит Ину, но сердиться на друга за это ревнивое упрямство не мог.

— Безумно вкусное. Я для всей нашей компании привез, тебе тоже оставил баночку.

Жуньшэн небрежно опустил сверток обратно на стол:

— Терпеть не могу сладкое. Мог бы и запомнить за столько лет.

Юйцин приуныл:

— Но оно правда особенное, лесом пахнет... Мы с сестрой его несколько дней в горах собирали, все руки исцарапали.

Жуньшэн смерил банку критическим взглядом, а потом вдруг заявил:

— Ладно, так и быть. Заверни мне мою банку. Только заверни точно так же, в этот лоскут. Вот эту я забираю.

Юйцин недоуменно уставился на яркую ситцевую тряпицу, и тут его осенило:

— Погоди, а зачем тебе точно такая же упаковка, как у Ины?

Жуньшэн тут же отвел взгляд, насупившись:

— Стал бы я за ней повторять. — И добавил сквозь зубы: — Предатель. Сменял друга на девчонку.

Юйцин наконец понял причину этой детской обиды:

— Да никто никого не менял! Я же говорю — гостинцы приготовлены для всех. Я как раз собирался сегодня разнести банки по домам.

— А у других девчонк из нашей компании тоже будут банки? — с вызовом прищурился Жуньшэн.

Юйцин растерялся, чувствуя, как предательский румянец снова заливает щеки:

— Нет... На всех бы просто не хватило.

Жуньшэн самодовольно хмыкнул:

— Ладно. Ты сейчас собираешься идти? Хочешь, провожу?

У Юйцина отлегло от сердца. Пусть Жуньшэн вредничал, но он все равно оставался самым верным и понимающим другом на свете.

— Правда проводишь? Здорово! Подожди секунду, я только причешусь быстро.

Причесаться быстро для Юйцина было задачей из разряда невыполнимых. Его буйные кудри, напоминавшие мелкие овечьи завитки, росли с такой неистовой силой, что на укрощение этой шевелюры уходило едва ли не больше времени, чем у его старшей сестры на плетение косы. Стоило вытянуть одну кудрявую пружинку, как она оказывалась втрое длиннее, чем казалась на первый взгляд. Волосы росли абсолютно свободно и хаотично, и чтобы придать голове мало-мальски приличный вид, приходилось изрядно попотеть перед зеркалом.

Юйцин старательно орудовал гребнем, но на затылке образовался упрямый, плотный колтун, который ни в какую не желал поддаваться зубьям. Жуньшэн, стоя позади и наблюдая за его мучениями со скептическим выражением лица, наконец не выдержал и подошел вплотную:

— Дай я. У меня есть верное средство.

— Бесполезно, — вздохнул Юйцин, — его ничем не продрать.

Жунышэн придирчиво пощупал свалявшийся комок шерсти на его затылке, а потом решительно выудил из стаканчика с карандашами канцелярские ножницы.

— Вот этим попробуем.

Не успел Юйцин и рта раскрыть, как ножницы хищно щелкнули, срезая колтун под самый корень.

— Готово! Гляди, теперь все отлично расчесывается.

Юйцин замер в немом шоке. Он осторожно потянулся рукой к затылку и нащупал там абсолютно гладкую, пугающую пустоту. Он тщетно закрутил головой, пытаясь рассмотреть в зеркале масштаб катастрофы, но ничего не увидел.

— Ты меня обкарнал! — в отчаянии взвыл он. — Я же теперь лысый на затылке!

— Зато расческа больше не застревает, — невозмутимо парировал виновник торжества.

— Да какая разница, если я теперь как общипанный гусь! — Юйцин сердито надул губы и принялся судорожно зачесывать уцелевшие кудри со всех сторон, пытаясь прикрыть зияющую брешь. Спустя пару минут мучений плешь вроде бы удалось замаскировать.

Бросив взгляд на настольные часы, он в ужасе округлил глаза:

— Ой, мамочки, мы же опаздываем! Бежим быстрее!

Он схватил со стола вторую банку, наспех замотал ее в первый попавшийся под руку кусок ткани и, схватив Жунышэна за руку, потащил на выход.

Уже на лестничной клетке за его спиной раздался тяжелый, виноватый вздох друга.

Они затаились на углу у центрального универмага, высматривая цель. Вскоре из дверей показалась Хуан Ина, весело размахивая эмалированным судочком с маминым обедом. Стоило Юйцину увидеть ее легкую фигурку, как его решимость мгновенно испарилась. Ноги словно налились свинцом, и он не решался сделать и шага вперед.

— Ну и чего мы ждем? — проворчал над ухом Жунышэн. — Иди уже, раз пришел.

Делать было нечего. Краснея до корней волос, Юйцин кое-как заставил себя выйти из укрытия и негромко окликнул девочку.

Ина искренне обрадовалась встрече. Подарок она приняла со всей своей обычной непосредственностью, без тени ложной скромности. Они перекинулись парой дежурных фраз о каникулах, после чего она тепло улыбнулась:

— Ну, мне пора бежать, а то у мамы обед остынет.

— Да-да, конечно, беги! Не буду тебя задерживать, — пробормотал смущенный парень и поспешно развернулся, намереваясь скрыться с глаз долой.

Но не успел он сделать и пары шагов, как в спину ему прилетел звонкий вопрос:

— Эй, Доудоу, а что это у тебя с затылком? Там плешь какая-то!

Юйцин испуганно прижал ладонь к свежестриженному месту. Стыд обжег лицо горячей волной.

Ина прыснула в кулак, изо всех сил стараясь сдержать смех:

— Неудачно подстригся, да? Слушай, может, тебе вообще под ноль побриться? А то кудри отрасли, а эта дыра так и будет светиться.

— Спасибо за совет, я обязательно что-нибудь придумаю! — буркнул несчастный Юйцин и пустился наутек.

Только отбежав на приличное расстояние, он остановился, чтобы перевести дух, и прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу. Оглядевшись по сторонам, он с удивлением обнаружил, что Жуньшэн вместе со своим велосипедом куда-то испарился.

Излазив все окрестные переулки, Юйцин наконец обнаружил беглеца в глухом тенистом тупике. Тот стоял, привалившись спиной к кирпичной стене, и с самым мрачным видом поглощал ложкой черное варенье прямо из банки. Судя по опустевшей наполовину тарелке, уплетал он его за обе щеки.

Юйцин так и застыл на месте:

— Ты с ума сошел?! Кто же ест варенье банками без чая? У тебя же все слипнется!

— Мое варенье, как хочу, так и ем, — буркнул Жуньшэн, даже не взглянув на него.

Юйцин вздохнул, примиряюще покачав головой:

— Ты что, позавтракать забыл? Давай я сбегаю за кунжутной лепешкой, хоть вприкуску съешь.

Жуньшэн молча завинтил крышку на банке. В его поникших плечах и опущенной голове сквозила такая неприкрытая, детская обида, что Юйцину вдруг вспомнился их недавний нелепый спор под навесом для велосипедов.

"Неужели он боится, что из-за Ины я заброшу нашу дружбу? — внезапно подумал Юйцин. — Да нет, глупости какие-то"

— Послушай, Эрмяо, ты из-за Хуан Ины так расстроился? — мягко спросил он. — Думаешь, я теперь с тобой общаться не буду? Глупости все это. Ты же мой самый близкий друг, мы сто лет друг друга знаем.

— Сегодня друг, а завтра найдешь себе зазнобу и побежишь за ней, забыв обо всем на свете, — тихо, не поднимая глаз, проговорил Жуньшэн. — Кому тогда нужен будет старый приятель?

Юйцин растерялся, не зная, какие слова подобрать:

— Да с чего ты взял? Одно другому совершенно не мешает. К тому же ты сам когда-нибудь вырастешь и влюбишься в какую-нибудь девчонку.

— Я не такой дурак, как ты, — отрезал Жуньшэн. Его взгляд скользнул по земле. — К тому же эта твоя Хуан Ина... она ведь только притворяется милой. На самом деле она постоянно над тобой подшучивает за твоей спиной.

Вспомнив открытую, сияющую улыбку Ины, Юйцин лишь покачал головой:

— Думаю, ты несправедлив к ней. Она не злая, просто любит пошутить, прямо как Тан Ли. Без всякого умысла.

— Все девчонки одинаковые — фальшивые и невыносимые, — угрюмо процедил Жуньшэн. — И только ты, как наивный дурачок, вечно лезешь к ним со своими подарками.

Юйцин замолчал, вглядываясь в потемневшее лицо друга. Наконец он решился спросить совсем тихо:

— Эрмяо... Ты ведь из-за тетушки Сюй так к женщинам относишься, да?

Жуньшэн вздрогнул, его плечи напряглись, а в глазах на секунду промелькнуло смятение.

— При чем тут она? Не выдумывай.

Юйцин мягко вздохнул:

— Тетушка Сюй — это твоя мама, а другие девчонки — совсем другие люди. Не надо всех под одну гребенку ровнять.

Жуньшэн промолчал, упрямо уставившись в кирпичную стену.

— Кстати, — полупшепотом нарушил тишину Юйцин, — ты ведь нарочно мне клок выстриг, признайся?

— Ничего не нарочно! — тут же вскинулся Жуньшэн, защищаясь. — Там такой узел был, только зубами выгрызать. Ножницы были единственным выходом.

Но в этот раз Юйцин даже не думал сердиться. Он посмотрел на друга серьезным, бесконечно теплым взглядом:

— Эрмяо.

— Чего тебе? — буркнул тот, внутренне сжавшись.

— Я просто подарил Хуан Ине баночку варенья, — искренне произнес Юйцин. — И если бы она попросила вторую, я бы ни за что не дал — у меня дома лишнего нет. Но если тебе захочется еще одну банку... я с радостью отдам тебе свою собственную порцию. До последней капли.

Наступила тишина. Жуньшэн долго молчал, переваривая услышанное, но лед в его глазах наконец растаял, уступив место привычному теплоте свету.

— Нужна мне твоя кислятина... Придумал тоже, — проворчал он, чтобы скрыть смущение, и неловко кашлянул. Затем совершенно естественно, без спросу, забрал у Юйцина закрепленную на раме фляжку и жадно сделал несколько глотков.

Убедившись, что буря миновала, Юйцин тут же вспомнил про свой пострадавший затылок. Он скорчил жалобную гримасу:

— И все-таки ты меня безжалостно обкорнал! Требую компенсацию за моральный ущерб. Как возвращать шевелюру будешь?

Жуньшэн слегка покраснел:

— Да как я тебе ее верну, приклею назад, что ли? Дело сделано. К тому же на улице жарища... Может, нам вообще обоим под ноль постричься за компанию? — Он потянулся взъерошить

уцелевшие кудри друга, но Юйцин увернулся, продолжая комично надувать губы.

Видя, что одними разговорами не отделаться, Жуньшэн немного помялся, а затем запустил руку в карман шорт и извлек оттуда маленькую бархатную коробочку.

— Ладно, держи. Только не дуйся больше.

Юйцин осторожно принял подарок и открыл крышку. Внутри, на атласной подложке, тускло поблескивала изящная позолоченная медаль. На полированном боку красовалась аккуратная гравировка: «Победителю городского юношеского конкурса пианистов».

У него даже дух захватило от такого подарка:

— Ого... Жуньшэн, это же твоя награда за конкурс! Такая важная вещь, ты должен хранить ее у себя дома на самом видном месте.

— Да сдалась она мне, — фыркнул Жуньшэн, картинно отмахнувшись. — Эка невидаль. В следующем году еще десяток таких завоюю. Бери, на память будет.

Не давая другу опомниться, он ловко вскочил в седло своего новенького велосипеда «Юнцзю» модели 28:

— Погнали быстрее, а то до вечера тут проторчим!

Юйцин бережно спрятал коробочку в нагрудный карман рубашки, прямо у самого сердца, и поспешил за ним:

— Эй, подожди меня!

<http://bllate.org/book/19415/1963744>